

10264 ✓

ПРОВЕРЕНО

20K

Е. ВИНОГРАДОВЪ.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА ВЪ ДОМАШНЕМЪ ОБИХОДѢ ЧУВАШЪ.

Издание Симбирской Губернской Ученой Архив-
ной Коммисіи.

Симбирскъ.
Губернская Типографія.
1897.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА ВЪ ДОМАШ- НЕМЪ ОБИХОДѢ ЧУВАШЪ.

„Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ“...
Лермонтовъ.

Миссіонерская дѣятельность православнаго духовенства въ сферѣ просвѣщенія инородцевъ истинами Христова ученія, и повсемѣстно нарождающаяся сельская школа, съ ея задачами, безспорно, являюся первыми и самыми активными факторами духовнаго перерожденія инородца.

Слѣды язычества слабѣютъ: пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и то, что сейчасъ еще имѣетъ мѣсто въ религіозномъ міровоззрѣніи инородца,—будетъ только преданіемъ старины глубокой...

Средній бассейнъ Волги изобилуетъ инородцами: аборигенами этого края считаются вотяки, зыряне, пермяки, мордва, черемисы, чуваша и др. Въ нравахъ, языкѣ, костюмѣ и въ религіозныхъ дохристіанскихъ вѣрованіяхъ этихъ инородцевъ много общаго, родственнаго. Первенствующее мѣсто, въ смыслѣ интеллектуальнаго развитія, среди этихъ инородцевъ, конечно, должно принадлежать пермякамъ, зырянамъ, вотякамъ, черемисамъ, мордвѣ. Чуваша, о которыхъ мы намѣрены вести рѣчь, стоятъ ниже своихъ собратьевъ. Тихій, скромный въ своихъ требованіяхъ, трудолюбивый и робкій чувашинъ держится вдалекѣ отъ шумнаго свѣта. Только церковь и школа кроткими мѣрами своими внушили къ себѣ

любовь и довѣріе чувашскаго населенія и успѣли внести струйку свѣжаго воздуха въ духовную жизнь этого инородца.

Зная довольно близко чувашъ, мы намѣрены отмѣтить языческіе элементы въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, полагая, что это не лишено будетъ нѣкотораго интереса, какъ въ смыслѣ изученія инородческаго края, такъ равно и въ смыслѣ исторической старины, къ области которой въ скоромъ времени, конечно, отнесены будутъ всѣ повѣрія клятвы, заклятія и обряды чувашъ.

Почти двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ чуваша приняли православную вѣру, но тѣмъ не менѣ слѣды ихъ старыхъ вѣрованій до сихъ поръ еще замѣтны въ складѣ ихъ духовной жизни.

Начнемъ съ чувашскихъ клятвъ. Клятвы русскаго народа, хотя и разнообразны, но часто безсодержательны. Нельзя того же самаго сказать о клятвахъ чувашъ: многіе изъ нихъ не лишены поэзіи, но за то почти во всѣхъ элементъ языческой занимаетъ видное мѣсто.

Заповѣдь Божія: „не клятися всяко: буде-же слово ваше ей-ей, ни-ни“, кажется, нарушается чуть-ли не чаще всѣхъ.

Обстоятельства и условія, при которыхъ произносится клятва, весьма различны, по этому до крайности разнообразень и характеръ самыхъ клятвъ.

Популярное русское „ей Богу“ цѣликомъ перешло и къ чувашамъ; „ей Богу, въ переводѣ на чувашскій языкъ — „торжесь-да“ — употребляется такъ-же часто и такъ-же механически, какъ и у русскіихъ.

„Ей-ей“, „да“, „провалиться на этомъ мѣстѣ“, „это вѣрно“ (вмѣсто „честнаго слова“, котораго чуваша не даютъ, не понимая значенія его) — все это служитъ увѣреніемъ въ справедливости словъ и произносится въ случаяхъ обыденной жизни. Болѣе сильныя клятвы употребляются и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Въ доказательство справедливости словъ своихъ чувашенинъ клянется всёмъ дорогимъ ему: женой, дѣтьми, отцомъ, матерью, урожаемъ, скотиной, клянется и благополучіемъ своего здоровья, твердо вѣря, что карающая рука накажетъ клятвopреступника, всуе произнесшаго слова клятвы.

„Пусть падеть моя скотина“, „пусть заболѣвають дѣти, жена, если я лгу“, говоритъ чувашенинъ, чтобъ завѣрить собесѣдника въ справедливости словъ своихъ. Такая клятва называется „клятвой черезъ скотину, жену, дѣтей“.

Чуваши клянутся мѣсяцемъ, звѣздами и солнцемъ: „да не увижу больше ни мѣсяца, ни звѣздъ“, „да померкнетъ для меня“ солнце, если я лгу“; „если я говорю не правду, то да не видѣть мнѣ воды болѣе и не пить ея“, клянется чувашенинъ въ случаяхъ, болѣе серьезныхъ.

Весьма важной считается клятва—подать руку черезъ шею животнаго, ребенка или свою собственную. Клянущійся протягиваетъ правую руку черезъ шею лошади, коровы, ребенка; требующій клятвы беретъ протянутую руку въ свою и клянущійся произноситъ слова: „если я лгу, то пусть падеть лошадь, корова, умереть сынъ, я самъ и т. д., смотря потому, черезъ шею кого подана рука. Но гораздо страшнѣе клятва черезъ могилу.

Въ силу этой клятвы чуваши твердо вѣрятъ и не всякій рѣшится всуе произнести ее. Это клятва считается выше присяги, подъ которой можно еще соврать. Чтобъ вывѣдать отъ чувашъ правду въ показаніяхъ, нерѣдко чиновники обращаются къ этой клятвѣ, требуя ее отъ чувашепина. На кладбищѣ, черезъ могилу родственника, или какого либо уважаемаго односельчанина, чувашенинъ протягиваетъ руку тому, кто требуетъ клятвы; при этомъ онъ обѣщаетъ говорить только сущую правду, вѣря, что, въ случаѣ нарушенія ея, тѣнь покойника будетъ преслѣдовать его и преждевременно сведетъ его въ могилу.

Клятва черезъ сухой сучекъ совершается такъ: требующій

клятвы беретъ сучекъ высохшаго на корню дерева, но отнюдь не отрубленный; одинъ ковецъ сучка кладетъ на землю, а другой беретъ въ правую руку. Клянущійся долженъ перешагнуть черезъ палку, произнося слова: „паданъ эпле хорнъ-маннъ ала, ора сянашкаль хортырь“, т. е., какъ эта палка суха,—мои руки и ноги пусть также высохнутъ“. Ту же обрядовую старяну имѣть и клятва черезъ сухое лутошко. Легковѣрный чувашенинъ вѣрять этимъ клятвамъ, какъ неприложнымъ и употреблять ихъ не безъ разбора.

Чтобы разсѣять подозрѣнія въ кражѣ, поджогѣ, нанесеніи обиды и т. п. подозрѣваемый прибѣгаетъ къ такимъ клятвамъ: 1) обвиняемый долженъ перепрыгнуть черезъ костеръ; если онъ виновенъ, то обязательно упадетъ въ огонь и на немъ загорится одежда;

2) обвиняемый грызетъ землю. Если виновный при произнесеніи словъ клятвы лжетъ, то онъ сдѣлается чернымъ, какъ земля, и черезъ годъ умереть. Клянущійся беретъ на чистомъ мѣстѣ, не оскверненномъ испражнениями, зубами землю въ ротъ, жуется ее и говоритъ: „эпъ аипла ползасынъ-торъ“ „теберъ саякъ выгыда ансидертеръ“, т. е. „если я виноватъ буду, Богъ не дастъ дожить мнѣ до этого времени“ (т. е. до другого года).

Эта клятва замѣняется слѣдующей: заспорившіе, взявъ съ собой водки, идутъ въ садъ, или въ оврагъ и на чистомъ мѣстѣ, требующій клятвы вырѣзываетъ дернъ въ видѣ креста, въ средину котораго ставитъ стаканъ съ водкой: клянущійся беретъ съ земли стаканъ и, выпивая водку, говоритъ: „торъ чон-ма таттырь“, что значить: Богъ душу отрубить, т. е., если я виновенъ, пусть Богъ душу вынетъ изъ меня. Затѣмъ дернъ кладутъ на прежнее мѣсто.

3) Подозрѣваемаго въ кражѣ заставляютъ ѣсть хлѣбъ съ конца ножа. Если виновный рѣшится ѣсть, то онъ сдѣлается нѣмымъ. Прежде, чѣмъ съѣсть кусокъ хлѣба, подозрѣваемый

произносить слова „эпъ ильне ползасынъ-торъ шираттыръ“, т. е., если я взялъ, то Богъ найдетъ меня.

Чтобъ успокоить ревниваго мужа, жена приглашаетъ въ домъ возлюбленнаго—причину ревности. Предварительно прихода его, зажигается предъ образомъ восковая свѣча, ставится въ передній уголъ столъ, покрывается холстомъ, и на немъ водружается чашка съ водой. Когда придетъ подозрѣваемый, то жена, въ присутствіи мужа, кладетъ три земныхъ поклона и начинаетъ пить изъ чашки воду, давая каждый разъ послѣ себя хлебнуть мнимому возлюбленному. Затѣмъ свѣча гасится. Послѣ такой клятвы, если она дана ложно, виновные должны оба умереть. Успокоенные мужчины расстаются пріятелями.

Съ принятіемъ христіанства въ клятвы чувашъ входятъ и религіозный элементъ.

Болѣе дѣйствительной клятвой считается клятва предъ Св. Евангеліемъ и крестомъ, при зажженной предъ иконой, свѣчей. Но еще сильнѣе клятва предъ церковнымъ крестомъ. Клянущійся впередъ знаетъ, что если онъ солжетъ, то пожелтѣетъ при жизни, какъ мѣдь, и смерть постигнетъ его въ скоромъ времени.

Часто клянутся ребенкомъ. Предъ иконой зажигается свѣча; клянущійся беретъ собственнаго ребенка на руки, подходитъ къ иконѣ и глядя на нее, завѣряетъ справедливость словъ своихъ благополучіемъ дитяти, принося его въ жертву варяющему богу; если клятва дана неправильно, ребенокъ долженъ умереть.

Иногда ограничиваются простой клятвой предъ иконой съ зажженной свѣчей. Клянущійся, подходя къ иконѣ, громко говорить: „сякъ-вырындахъ чон-ма ильдеръ“, въ переводѣ „на—этомъ мѣстѣ душу взялъ“, т. е., пусть Богъ на этомъ мѣстѣ возьметъ мою душу“. Послѣ этихъ словъ клянущійся самъ гаситъ свѣчу.

Чтобъ отомстить обидчику неуличенному, не найденному, чувашенинъ ставитъ свѣчу Св. Іоанну Воину и молится передъ

нимъ: пусть умретъ обидчикъ мой, пусть умретъ любимое дитя его, пусть падетъ скотъ его.

Чтобъ наказать виновнаго въ кражѣ скотины, но еще не уличеннаго и непойманнаго, прибѣгаютъ къ помощи емзи (знахарь, колдунъ), который долженъ найти волчье горло (хрящъ) и надѣть его на коровій рогъ и положить на тотъ путь, по которому увели со двора скотину, при этомъ емзя говоритъ на голову виновнаго слова заклятья. Если воръ будетъ угаданъ, то спустя годъ, полгода, на него посыпятся несчастія: падетъ скотина, умретъ жена, зестры, братья и, наконецъ, дѣти.

Чувашская женщина, какъ существо слабое и угнетенное, часто на своихъ плечахъ выноситъ тяжесть семейныхъ невзгодъ и ссоръ. Она терпитъ обиды и отъ мужъ, и отъ сына, и отъ родныхъ. Гдѣ найти ей защиту? Поневолю она прибѣгаетъ за помощью къ чудодѣйственной силѣ заклятій.

Такъ, если жена разойдется съ мужемъ, мать съ сыномъ, то идетъ на границу надѣльной земли и молится Богу, чтобы Онъ примирилъ ихъ всѣхъ.

Желая отомстить сыну за нанесенные побои и обиды, мать идетъ на овины, выбираетъ токъ и на него кладетъ испеченный хлѣбъ, и колѣнопреклоненная молится Богу, прося у него или вразумленія для сына, или же кары для него: пусть жизнь сына будетъ такъ же не хороша, какъ ея собственная, и пусть отъ дѣтей своихъ онъ терпитъ такія-же оскорбленія, какія переноситъ и она отъ сына. Дѣйствительнымъ средствомъ къ вразумленію непочтительнаго сына считается обычай молиться предъ иконой въ домѣ. Оскорбленная мать, оставаясь одна въ избѣ, зажигаетъ предъ иконой свѣчу и начинаетъ на колѣняхъ молиться Богу, чтобъ онъ смирилъ строптивый нравъ сына, внушилъ къ ней любовь и уваженіе. Молитва сопровождается троекратными низкими поклонами во всѣ три стороны отъ иконы, какъ-бы нъ знакъ приглашенія всѣхъ странъ къ участию въ ея горѣ.

Неоднократно оскорбленный сыномъ отецъ, испытывая въ послѣдній разъ силу прощенія своего надъ повинившимся сыномъ, требуетъ отъ него доказательствъ искренняго раскаянiя и обѣта на будущее время быть послушнымъ и почтительнымъ къ отцу.

Вотъ какъ совершается такой обрядъ: предъ иконой зажигается свѣча; отецъ садится въ переднiй уголъ на лавку, или на табуретъ; сынъ отъ порога избы на колѣняхъ подползаетъ къ отцу, развязываетъ на правой ногѣ его лапоть и въ это время произноситъ слова раскаянiя и завѣренiя на будущее время быть почтительнымъ, не оскорблять отца, ухаживать и заботиться о немъ; затѣмъ цѣлуетъ разутую ногу и гаситъ свѣчу предъ иконой. Всѣ приведенныя нами клятвы и заклѣтья постепенно исчезаютъ; молодежь къ нимъ рѣдко прибѣгаетъ, и мы не могли добиться символическаго значенiя клятвенныхъ обрядовъ даже отъ стариковъ: они помнятъ только внѣшнiя формы, но смыслъ ихъ и значенiе уже утратились безслѣдно.

Коснемся встати вѣрованiй чувашъ въ кереметь, прихасиндзи. Еще во времена языческiя чуваша вѣрили въ духа добра и духа зла. Первый даетъ всѣ блага: урожай землѣ, приплодъ въ скотинѣ, миръ и тишину въ семьѣ, здоровье человѣку, а второй — духъ вражды и злобы посылаетъ всѣ несчастiя: неурожай, моръ на скотъ, болѣзнь на людей, сварливую хозяйку въ домѣ, семейный разладъ и пр. Хотя оба начала доброе и злое по существу своему диаметрально противоположны между собою, но между тѣмъ оба они имѣютъ одну общую черту: безъ жертвоприношенiй не склоняютъ уха своего къ мольбамъ людей, прибѣгающихъ къ помощи и защитѣ ихъ. Такъ учили и учатъ чувашъ ихъ знахари, ворожеи „йумасъ“, „емзи“.

Оба духа имѣютъ постоянное жилище въ лѣсахъ, въ дуплахъ старыхъ деревь. Такая роща, въ которой, по увѣренiю, йумасъ обитаетъ духъ добра и зла и называется „кереметь“. Такiе керемети имѣлись въ прежнее время, когда лѣсовъ было еще

очень много, почти около каждой деревни, около каждого селения. Рощи эти не насаждались искусственно, а представляли собой остатки когда-то дѣвственныхъ лѣсовъ. Какъ слѣды стараго и охраняемаго лѣса, рощи эти поражаютъ своимъ величественнымъ видомъ: старыл, но стройныя и богатыя листвою березы, липы, столѣтніе вязы, вѣковѣчные, въ нѣсколько обхватовъ толщины цари лѣсовъ — могучіе дубы — все это вполне приличные храмы для керемети. Долгое время керемети свято охранялись чувашами, ни одинъ дерзкій не рѣшался кощунственной рукой прикоснуться къ святилищу: болѣзнь и даже смерть немедленно постигали осквернителя святыни. Но tempora mutantur... и теперь, подѣ влияніемъ церкви и школы, понятія чувашъ такъ измѣнились, что къ керемети ужъ подходятъ посмѣлѣе и нерѣдко съ топоромъ въ рукахъ, вырубая рощу на свои обыденныя нужды.

Цѣнность жертвоприношеній керемети тоже измѣнилась: въ былыя времена приносили въ жертву золото, серебро и мѣдь, а теперь ограничиваются оловянными и жестяными бляхами, придавая имъ форму денегъ, чтобъ вѣрнѣе обмануть божество, вмѣсто живыхъ животныхъ — несутъ вылѣпленныхъ изъ тѣста коровокъ и лошадокъ. Кереметь, по вѣрованію чувашъ, входитъ и въ непосредственныя сношенія съ людьми, открывая имъ свою волю, и черезъ своихъ избранниковъ — любимцевъ — „емзей“.

Емзя — это кудесникъ: онъ близокъ къ керемети, онъ знаетъ, какъ можно склонить кереметь въ пользу обращающагося къ нему, онъ знаетъ, чего хочетъ кереметь въ жертву себѣ. Емзя живетъ приношеніями за свой трудъ. Емзѣ много лѣтъ и онъ среди чувашъ популяренъ.

Къ керемети обращаются во всѣхъ случаяхъ жизни.

Если въ семьѣ заболѣлъ кто, то старшій въ домѣ идетъ къ кереметю и несетъ въ жертву деньги, „юманъ“ — это тоненькая рассученная лепешка, завернутая въ тряпицу, масло, хмель, со-

лодь, муку и др. съѣстные припасы. Передъ кереметью онъ вляется и молится, чтобы болѣзнь скорѣе кончилась: „пожалѣй насъ, кемереть; если больной выздоровѣетъ, то самъ придетъ къ тебѣ и принесетъ жертвъ больше, чѣмъ я“.

Для исцѣленія отъ болѣзни, прибѣгаютъ къ такъ называемому „относу болѣзни“. Относъ болѣзни совершается при помощи емзи.

Родственники больного отправляются къ ворожею; тотъ велитъ срѣзать нѣсколько волосъ съ головы больного, завертывать ихъ въ тряпицу и при произношеніи различныхъ заклинаній нестеть куда-нибудь въ уединенное мѣсто закопать ихъ въ землѣ. Болѣзнь проходить, а емзя за труды получаетъ щедрое вознагражденіе.

При посредствѣ емзи водворяется въ семьѣ миръ и тишина. Мать семейства, отъ котораго она терпитъ невзгоды-брань, побои, идетъ къ емзѣ и чистосердечно повѣтствуетъ ему о своемъ горѣ, прося помощи и совѣта.

Емзя—мѣстный житель, давно знаетъ и слышитъ о разладахъ въ домѣ, давно ждетъ къ себѣ желанную гостью, горемыку—женщину. Начинается торгъ. Бѣдная женщина согласна на все, готова отдать все, что есть у нея скопленнаго: и деньги, и холстъ, лишьбы помочь ей емзя измѣнить горькую участь на болѣе свосное житье. Торгъ законченъ. Емзя беретъ приворотный корешокъ (высушенный корень какого-нибудь растенія, у каждого емзи свой), посыпаетъ его солью, завязываетъ въ тряпку, шепчетъ слова заклятья и отдаетъ женщинѣ съ приказаніемъ ити къ керемети, положить этотъ талисманъ у дерева и помолиться, а когда вернется домой, то истолочь корешокъ съ солью, но такъ, чтобы никто не видалъ и не слышалъ, посыпать хлѣбъ, который должны есть домашніе и воду, которую они будутъ пить и тогда проявится вся сила колдовства: жизнь измѣнится къ лучшему.

Безъ керемети и емзи не обойтись и добру молодцу, чтобы приворожить къ себѣ симпатіи избранницы сердца. Желая взять за мужъ понравившуюся дѣвицу, но не получая отъ нея согласія на бракъ, молодой человѣкъ идетъ къ емзѣ. Емзя охотно беретъ устроить дѣло это такъ просто: онъ велитъ несчастному страдальцу принести нитку изъ пряжи, или одежды своего предмета, но взять эту нитку тайкомъ. Когда нитка добыта, емзя беретъ такую-же нитку изъ одежды молодого человѣка, затѣмъ обѣ нитки связываетъ концами и шепчетъ при этомъ какія-то заклинанія. Потомъ связанную нитку отдаетъ въ руки молодого человѣка и приказываетъ ему идти къ невѣстѣ и объявить ей: „если ты не пойдешь за меня за мужъ, то знай, что я добылъ нитку изъ твоего платья, я пойду и положу ее въ кереметь; болѣзнь поразитъ тебя и ты высохнешь, какъ эта нитка.“ Невѣста, суевѣрная не менѣе жениха своего, напуганная обѣщаніемъ кары керемети, соглашается скорѣе выйти за мужъ за нелюбимаго человѣка, чѣмъ рѣшиться ждать своей злой участи, отъ одного ожиданія которой можно и высохнуть, и пожелтѣть.

Молодежь, особенно побывавшая въ школѣ, или въ военной службѣ, кереметя се боится, даже стыдится его и добродушно подсмѣивается надъ суевѣріемъ стариковъ, иногда довольно остроумно эксплуатируя его. Расскажемъ недавно бывшій случай подобной шутки. Чувашенинъ Яковъ, отбывшій воинскую повинность, вернулся въ родное село; веселый и находчивый, онъ вздумалъ поморочить своихъ односельчанъ, охотниковъ до поклоненія керемету. Подмѣтивъ дубъ, къ которому ходятъ на поклоненіе, Яковъ залѣзъ въ дупло его и терпѣливо ожидаетъ паломниковъ. Является старуха; начинаетъ молиться: „кереметь, кереметь, помилуй насъ. Вотъ тебѣ жертва“, при этихъ словахъ въ дупло подаетъ двугривенный. Яковъ получаетъ его и глухимъ голосомъ объявляетъ: „мало!“ — Сколько-же тебѣ, кереметь, надо? спрашиваетъ и испуганная и обрадованная великимъ счастіемъ

слышать голосъ керемета, старушка.—Рубль! протяжно произносить кереметь. Старуха поспѣшно идетъ за рублемъ и ничуть не жалѣя его, отдаетъ въ жертву дорогому богу и довольная возвращается въ село, чтобы подѣлиться радостью со своими подружками, а Яковъ, въ свою очередь, вылѣзаетъ изъ дупла, идетъ въ кабакъ и въ компаніи такихъ-же молодцевъ распиваетъ рубль во здравіе простодушной старушки, скорбя, что такихъ съ каждымъ годомъ все остается меньше и меньше.

Кромѣ керемети, чуваша вѣруютъ еще въ ириха. Ирихъ какое-то божество, о которомъ сами чуваша не имѣютъ опредѣленнаго представленія, но тѣмъ не менѣе вѣрятъ, что ирихъ поражаетъ человѣка всѣми накожными болѣзнями: золотухой, сыпью, болѣзнию глазъ и пр. Чтобы умилостивить ириха, и ослабить болѣзнь, чуваша, по наущенію емзей, кладутъ въ сплетенную изъ прутьевъ корзину сухія древесныя вѣтви, куски олова, замѣняющія деньги, обрѣзки волосъ и ногтей больного человѣка и такую жертву ириху подвѣшиваютъ гдѣ нибудь у себя въ домѣ. Если жертва угодна, то болѣзнь прекращается.

Когда начинается цвѣсти въ поляхъ рожь, то почти всѣ чуваша празднуютъ „синдзи“, но никто изъ нихъ не знаетъ, что это за праздникъ, кто установилъ его, когда и зачѣмъ. Синдзи празднуется тихо—Это праздникъ покоя и отдыха. На улицахъ не видно и неслышно шумнаго разгула, пѣсенъ, плсокъ, звуковъ пузырей и гусель. Но тѣмъ не менѣе улица людна: у каждой язбы на скамьяхъ, заваленкахъ и просто на лужайкахъ сидятъ недѣлю-двѣ всѣ чада и домочадца, безъ всякаго дѣла, толкуютъ, кто о чемъ хочетъ. Всѣ одѣты въ бѣлыя, я по возможности, въ новыя рубашки. Съ укоромъ дѣлаютъ замѣчаніи тому, кто проходитъ въ синей рубашкѣ: „зачѣмъ не считаешь синдзи: вѣдь ты знаешь, что онъ не любитъ синей рубахи, а любитъ бѣлую“, говорятъ чуваша нарушителю традицій праздника. Иногда провинившагося обливаютъ водой, какъ-бы въ очищеніе его грѣха предъ

праздникомъ. Во время синдзи, говорятъ чуваша, нельзя рыть и пахать землю, нельзя рубить лѣса, строить избы, топить печь и пр. Если будешь пахать землю, то обиженный синдзи отомститъ неплодомъ земли. У работающихъ топоромъ, чуваша отнимаютъ топоръ: „какъ можно работать въ синдзи топоромъ? Синдзи обидится и оглушитъ тебя“.

Во время цвѣтенія ржи и вплоть до уборки хлѣба съ поля, чуваша празднуютъ пятницу. „Въ этотъ день, говорятъ они, міродержатель сходитъ съ неба на землю посмотрѣть, не работаютъ-ли чуваша въ пятницу“. Если не будешь почитать синдзи и пятницу, вѣрятъ чуваша, то міродержатель побьетъ поля градомъ, опустошитъ бурей, высушитъ солнцемъ, истребитъ непогодю и ненастнымъ дождемъ. Но за то, когда чуваша уберутся съ хлѣбомъ, свезутъ его домой, то робость исчезаетъ, уступая мѣсто вызывающей развязности: празднованіе пятницы прекращается и чуваша съ хвастливымъ самодовольствомъ говорятъ: „теперь хоть градъ, хоть дождь не боимся: убрались съ поля и синдзи и пятница намъ нестрашны“.

По уборкѣ хлѣба почти всѣ чуваша справляютъ, такъ называемую, „чюклему“. Когда уродится новый хлѣбъ, чуваша торопятся поскорѣ сварить изъ него пиво, напечь хлѣбовъ и устроить чюклему. Чюклема—это, такъ сказать, слава новому хлѣбу. По языческому повѣрью, чуваша и къ нему обращаются съ мольбой, чтобъ онъ былъ споръ и полезенъ для здоровья. На чюклему приглашаются всѣ друзья и знакомые. Въ избѣ устраиваютъ пиръ.

Много пива, хлѣба и лепешекъ въ этотъ день готовитъ хозяйка Гости сошлись и вотъ старшій въ семьѣ беретъ ковшъ съ пивомъ, идетъ къ входной двери избы, у косяка которой теплится восковая свѣча; становится къ двери лицомъ и шепчетъ какія-то таинственныя слова, затѣмъ льетъ не много пива въ косякъ—это жертва кереметю. Всѣ присутствующіе въ это время, въ благо-

говѣйномъ молчаніи, также стоятъ лицомъ къ двери. Оставшееся въ ковшѣ пиво выливается обратно въ ведро или чашку и тогда начинается пиръ горой съ музыкой, пляской и однообразной, несложной чувашской пѣснью, длящейся иногда во всю осеннюю долгую ночь.

Не лишены нѣкотораго интереса обряды чувашъ въ борьбѣ съ засухой, скотскимъ падежемъ и въ борьбѣ съ діаволомъ — соблазнителемъ рода человѣческаго.

Во время засухи чуваша устраиваютъ „сюмарчюкѣ“. Это нѣчто въ родѣ загороднаго пикника, но устраиваемаго съ другими цѣлями — умолить небо даровать землѣ, жаждущей благодатный дождь. Въ заранѣ избранное и условленное мѣсто, гдѣ-либо въ оврагѣ, на полѣ, но только обязательно такое, гдѣ-бы протекалъ ручей, сходятся чуваша одного селенія и старики и дѣти (въ нѣкоторыхъ селахъ — одни только дѣти подъ предводительствомъ старухи), всѣ несутъ съ собой яства, кто что можетъ крупу, хлѣбъ, масло, яйца и молоко. Придя на избранное мѣсто, чуваша устраиваютъ плотину, запруду, съ цѣлью изъ ручейка получить настолько глубокой бассейнъ, чтобъ въ немъ можно было выкупаться всѣмъ. Запруда устроена, котлы, наполненные принесеннымъ добромъ, подвѣшены надъ огнемъ: въ нихъ готовится каша. Толпа обнажаетъ головы и, по направленію къ востоку, становится нѣ молитвенную позу. Каждый читаетъ про себя молитвы, кто какія знаетъ; многіе, обходясь безъ молитвъ, въ нѣмомъ благоговѣніи изливаютъ свои нужды предъ Богомъ. Затѣмъ, когда сварится каша, всѣ садятся за ѣду, почерпая кашу изъ одного котла; каша заѣдается яйцами и запивается молокомъ. Послѣ ѣды начинается купанье. Каждый изъ присутствующихъ долженъ хоть разъ окунуться въ импровизованномъ прудѣ. Если окажутся нежелающіе исполнить обряда, то съ такими не церемонятся: ихъ ловятъ и насильно окунаютъ въ воду. Послѣ купанья всѣ расходятся по домамъ. Такимъ образомъ,

вѣрятъ чуваша, сила, подающая влагу и дождь умилоствлена и небо скоро разрѣшится давно желаннымъ и благодатнымъ ливнемъ. Падежь скота по справедливости считается бичемъ народнаго благосостоянія. Даже культурный человѣкъ въ паническомъ страхѣ опускаетъ предъ нимъ руки. Что же дѣлать темному суевѣрному и еще полудикому чувашенину? Ясно, что къ прекращенію бѣдствія онъ ищетъ средствъ въ сферѣ сверхестественнаго. Къ этимъ средствамъ прибѣгали и дѣды и прадѣды, къ нимъ же совѣтуютъ старики обращаться и сейчасъ. Много существуетъ обрядовъ охраненія и огражденія селеній отъ падежей, но болѣе дѣйствительными и популярными считаются два: а) прогонъ скота подъ мостикомъ и б) опахиваніе села плугомъ.

Первый обрядъ совершается такъ: въ условленный день, вся здоровая скотина изъ села выгоняется въ поле, луга, гдѣ-бы былъ оврагъ; чрезъ оврагъ перекидывается живой мостикъ изъ досокъ, хворосту и прутьевъ; онъ укрѣпляется на столбикахъ столь высокихъ, чтобъ подъ мостомъ могла безпрепятственно пройти скотина. На мостъ насыпается солома и земля. Затѣмъ все стадо три раза прогоняется подъ мостикомъ. Когда это закончено, то часть мостика освобождается изъ подъ земли и оголенные доски его начинаютъ тереть веревкой до тѣхъ поръ, пока дерево не загорится, подложенный трутъ содѣйствуетъ распространенію огня, и мостъ горитъ. Въ то же время подъ мостомъ привязывается кошка. Народъ стоитъ вокругъ и молить духа, чтобъ онъ перевелъ падежь со скотины на привязанную кошку; кошка должна погибнуть въ дыму и пламени, но если она останется живой, то ее убиваютъ. Увѣренные, что совершенная жертва достигнетъ цѣли, чуваша успокоенными возвращаются въ свои дома.

Опахиваніе села плугомъ происходитъ такъ: въ назначенный день, утромъ, всѣ дѣвицы села, въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ до 25, въ совершенно новыхъ бѣлыхъ рубашкахъ съ расчесанными и расплетенными волосами, выходятъ за околицу и впря-

гаются въ приготовленный тамъ плугъ. Смѣняясь по очередно, дѣвицы тащатъ плугъ вокругъ всего села, темной бороздой опоясывая его. Шестіе дѣвиць сопровождаютъ нѣсколько верховыхъ, вооруженныхъ палками и ружьями. Верховые выстрѣлами оговѣщаются о шестви процессіи, чтобъ никто изъ смертныхъ не попалъ на встрѣчу, и горе тому, кто ослушается: его ждуть побои плетью, палками и даже онъ рискуеть попасть подъ ружейный выстрѣлъ, если окажется сильное сопротивленіе. Когда борозда пропахана, церемонія считается законченной и всѣ участники ея возвращаются въ село къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Церемоніаль изгнанія шайтана изъ села несложенъ, но выразителенъ.

Шайтанъ-дѣволъ, отъ котораго происходятъ всѣ людскія несчастія. Шайтанъ-существо сильное, но дѣйствующее на людей больше соблазномъ, какъ средствомъ, отъ котораго уберечься гораздо труднѣе, и которое бьетъ человѣка, вѣрнѣе, наповаль. Вотъ почему чуваши всѣ, отъ малаго до велика, ведутъ такую ожесточенную войну съ шайтаномъ. Правда, бой не равный, но все же благородный... Опишемъ, какъ происходитъ изгнаніе шайтана изъ села. Уговорившись заранѣе, въ назначенный день и часъ, нѣсколько семействъ начинаютъ съ гикомъ и крикомъ, кнутомъ и палками, гонять кого-то по избѣ: это выгоняютъ шайтана изъ дома; затѣмъ выбѣгаютъ на дворъ, забѣгаютъ въ хлѣва, сарай, кладовыя, отсюда выгоняя шайтана; отворяютъ ворота и хлещутъ въ воротахъ кнутомъ; затѣмъ ворота запираютъ на запоръ: шайтанъ изъ избы и двора выгнанъ на улицу. За воротами изгнанниковъ встрѣчаетъ цѣлая толпа конныхъ чувашъ, вооруженныхъ палками, веревками, кнутами. Всадники съ неистовымъ крикомъ, визгомъ, хлопаньемъ кнутовъ, гонять шайтана вонъ изъ села туда, далеко — за горы, овраги и рѣки, черезъ которые шайтанъ ужъ не можетъ скоро перебраться. Совершивъ бѣшеную прогулку далеко за деревню, кавалькада побѣдовосно

возвращается въ село въ полной увѣренности, что хоть на годъ ихъ деревня застрахована теперь отъ соблазновъ діавола.

Изобилуютъ языческими обрядами похороны и свадьбы чувашъ. Чуваша умершаго не держатъ въ домѣ три дня, какъ установила церковь, но стараются схоронить покойника въ тотъ же день. Это объясняется чисто хозяйственными соображеніями чувашъ: человѣкъ умеръ, — чего же ему еще оставаться въ домѣ, занимать мѣсто, стѣснять другихъ? Чуваша скорѣе матеріалисты: тоска, скорбь и плачь — не въ ихъ характерѣ. Вотъ только надо позаботиться, чтобъ покойнику на томъ свѣтѣ жилось получше, надо справить его какъ слѣдуетъ... Въ гробъ умершаго кладутъ мужскія и женскія принадлежности, смотря потому, какого пола покойникъ: кочедыкъ, колодку и лыко для плетенія лаптей, иглы, нитки, гребень, табакъ и трубку — чуваша любители послѣдняго; болѣе запасливые прибавляютъ и съѣстныхъ припасовъ; словомъ, кладется все, что, по мнѣнію чувашъ, потребуется покойнику на томъ свѣтѣ. Въ гробъ пожилой дѣвицы кладутъ хворостину: она, по вѣрованію чувашъ, обречена въ загробной жизни пасти гусей и цыплятъ. По выносѣ изъ дома покойника, въ избѣ по всѣмъ угламъ посыпаютъ золою, а отъ гроба всѣ щепки и стружки выносятся въ сплетенной изъ прутьевъ корзинѣ куда нибудь въ оврагъ, или на перекрестокъ дорогъ. Это дѣлается для того, чтобы ни самъ покойникъ, ни тѣнь его болѣе не возвращались въ домъ. Тотчасъ же, по погребеніи, пьютъ вино на кладбищѣ, а по возвращеніи въ домъ, начинается угощеніе всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, принимавшихъ участіе въ печальной церемоніи: пьютъ пиво, водку, ѣдятъ хлѣбъ, лепешки и пироги. Поминки длятся дня два — три, смотря по средствамъ семьи умершаго. Тризна всегда сопровождается шумнымъ пьянствомъ и пляской. Въ пляскѣ должны принимать участіе всѣ. Кто отказывается плясать, тотъ, слѣдовательно, желаетъ оскорбить память покойнаго, тотъ, ясно, не любилъ и не уважалъ его. Ослушникъ подвергается осужденію всѣхъ...

Общимъ днемъ поминовенія усопшихъ у чувашъ считается четвергъ, передъ Троицей. Въ этотъ день изъ каждаго дома выѣзжаютъ всѣ домохадцы на мѣстное кладбище. Здѣсь разсаживаются въ кружокъ около могилъ своихъ близкихъ и начинается угощеніе: ѣдятъ мясо, пьютъ вино и пиво и всего повемногу оставляютъ на могилѣ, поливая ее пивомъ. Чуваши думаютъ, что по уходѣ ихъ, покойникъ съѣстъ и выпьетъ все, оставленное ему.

Свадебные обряды за послѣднее время значительно измѣнились, уподобившись рускимъ. Еще весьма недавно женихъ и невѣста часто и не видывали и не знали другъ друга; дѣло за нихъ рѣшали ихъ родители. Но теперь ужъ при выборѣ невѣсты сыну и жениха—дочери, родители руководствуются симпатіями и желаніемъ молодыхъ людей. Случай тайнаго похищенія невѣсты, уволока, умычки, встрѣчаются весьма рѣдко. Къ уволоку невѣсты прибѣгаютъ только тогда, когда родители ея не соглашаются на бракъ съ избранникомъ.

Въ день свадьбы, свадебный поѣздъ, въ которомъ ѣдутъ женихъ и невѣста, направляется въ церковь. Невѣста ѣдетъ съ закрытымъ лицомъ, а женихъ обязательно будь то зимой, или лѣтомъ, въ мѣховой шапкѣ. Улучивъ удобную минуту, женихъ ударяетъ три раза свою невѣсту нагайкой (саломотомъ). Чѣмъ удары сильнѣе, тѣмъ они убѣдительнѣе, какъ доказательство искренней любви жениха къ невѣстѣ. Это обычай свято соблюдается и понынѣ; иногда весь свадебный поѣздъ останавливается на дорогѣ специально съ цѣлю подабающимъ образомъ совершить обрядъ троекратнаго удара.

По возвращеніи изъ церкви въ домъ мужа, въ воротахъ новобрачныхъ встрѣчаютъ всѣ семейные, не участвовавшіе въ поѣздѣ. Къ молодой подводится обузданная лошадь, какъ самый цѣнный представитель живого инвентаря, смиренно признающаго теперь подъ собой силу и вліяніе новой властительницы. Молодая беретъ поводъ въ руку; въ это время одинъ изъ почетнѣйшихъ

лицъ поѣзда (хайматлыхъ) на рукахъ выносить молодую изъ еибитеи, вносить въ домъ ее, сажаетъ на переднее мѣсто и тогда начинается обычное въ такихъ случаяхъ гулянье, которое иногда длится цѣлую неделю.

Еще до свадьбы женихъ дѣлаетъ съ родителями невесты условіе о приданомъ. Но у чувашъ, какъ и у татаръ, за невесту платитъ женихъ, смотря по уговору, скотиной, деньгами, хлѣбомъ и т. п. Впрочемъ, если женихъ бѣденъ, а невеста богата, то роли мѣняются. Расплата происходитъ въ день брака.

Гости пируютъ и веселятся, а молодые скрываются въ уединенное мѣсто.

Во всѣхъ празднествахъ чувашскихъ преобладающимъ напиткомъ является не водка, а пиво, но это дѣлается не потому, чтобъ чуваша предпочитали второй первое, а просто по экономическимъ соображеніямъ: водка стоитъ дорого, на нее нужны деньги, которыхъ у чувашъ мало, а если и есть, то чувашенинъ любитъ скопить копѣйку на черный день, между тѣмъ какъ хлѣба много, онъ свой, пиво вари и пей сколько хочешь, а вѣдь послѣдствіе одни и тѣ же: полное охмеленіе со всѣми его прелестями...

Ө. Виноградовъ.